

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-222-228

«ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА» АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Д.В. Мамченков

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, Миклухо-Маклая ул., д. 6

«Трудная проблема» сознания аналитической философии характеризуется сквозь призму принципа онто-гносеологической неопределенности. В статье показано, что способ постановки «трудной проблемы» в аналитической философской традиции неизбежно делает ее псевдопроблемой. В то же время реализация принципа онто-гносеологической неопределенности открывает путь к конструктивному решению проблемы сознания как в конкретно-научных исследованиях, так и в философско-теоретическом познании.

Ключевые слова: трудная проблема сознания, сознание и мозг, субъективная реальность, онто-гносеологическая неопределенность

В современной традиции аналитической философии одной из ключевых знаковых тем является проблема сознания. Ее актуализация во многом обусловлена успехами в объяснении поведения человека широким комплексом когнитивных и нейронаук в конце XX — начале XXI в. Этот «когнитивный прорыв» обострил и философские аспекты проблемы сознания, прежде всего традиционное для аналитической философии «проблемное поле» — соотношение сознания и мозга. Однако та парадигма аналитической философии, в рамках которой исследуется данное проблемное поле, содержит в себе ряд неразрешимых антиномий. Их существование превращает проблему сознания, по выражению представителей этой философской традиции, в «трудную».

Можно указать на четыре принятых аналитической философией допущения, которые превращают проблему сознания не просто в трудную, но по сути нерешаемую и даже просто псевдопроблему. Это неопределенность понятий, редукционизм, вынесение за скобки других парадигм, где проблема сознания могла бы быть простой, игнорирование принципа онто-гносеологической неопределенности. Рассмотрим этот вопрос детальнее.

1. Неопределенность понятий. Ни в философии, ни в конкретно-научном дискурсе не существует устоявшегося определения сознания. Понятие сознания часто отождествляют с понятиями «психика» и «мышление», хотя их значения существенно различаются. Но поскольку эти различия обычно не концептуализируются, то нередко складывается такая ситуация, когда кажется, что дано объяснение той или иной трактовке сознания, но оно тут же ускользает и растворяется в трактовках либо психики, либо мышления. Например, исследуя связь «квалиа» с мозгом, приходится вспоминать и об объективном содержании сознания. Или пытаюсь изучить интерсубъективное содержание сознания, мы вынуждены вводить в понимание сознания волевой фактор.

Принято считать, что проблема «сознание — мозг» в аналитической философии является историческим продолжением темы исследований соотношения духа и материи в новоевропейской философии. На самом деле такой переход от классики к аналитической философии сопряжен со значительным изменением содержания категорий сознания и материи. Новоевропейский «дух» и аналитическое «сознание» существенно различаются между собой; они отсылают к различным аспектам интересующего нас предмета. То же самое относится и к понятию материи. Как показал Д.И. Дубровский [4. С. 244—245], в аналитической философии понятие «физическая реальность» остается непроясненным и широко размытым. В то же время существенно прояснить вопрос могло бы понимание многомерности реальности, изучаемой различными конкретными науками, и четкое разделение этих измерений.

2. Редукция. В аналитической философии вопрос о сознании чаще всего сводится к вопросу о «квалиа», субъективной представленности психических процессов. Однако «открыв» [10] или «объяснив» [12] сознание, мы ожидаем не столько уловить указанную связь, сколько понять соотношение объективного содержания сознания с индивидуальными состояниями мозговой деятельности; инвариантных моментов знания и смыслов, содержащихся в сознании, с конкретными проявлениями материи мозга.

Допустим, мы нашли окончательный ответ на «трудную проблему». Будет ли это значить, что, изучив мозг Джойса, мы поймем «Улисса»? Или исследовав мозг Бора, лучше поймем принципы квантовой механики? Очевидный отрицательный ответ показывает невозможность полного решения данной проблемы в рамках аналитической парадигмы, а значит, говорит о неправильной ее постановке. Но допустим противоположное — «трудная проблема» разрешена. Означает ли это, что доскональное знание деятельности моего мозга приведет к прочтению всего содержания моего сознания? Ведь это еще не есть «понимание» сознания. Это просто фиксация взаимосвязи сознания и мозга, которая ясна и без трудных теоретических построений (и иллюстрируется простым ударом по голове). Здесь возможна аналогия с ролью ДНК во взаимобратной, нелинейной связи генотипа и фенотипа. Расшифровав геном и установив взаимосвязь с признаками, которые им кодируются, мы не сможем полностью понять и предсказать фенотипические черты не только человека, но и более простого существа [7].

3. Вынесение за скобки других парадигм. В аналитической традиции «трудная проблема» сознания позиционируется как совершенно новая и ранее неизученная и неизучавшаяся. На самом деле проблема интеракции между различными формами бытия, уровнями организации материи уже давно обсуждается в различных философских направлениях. Даже в конкретно-научных исследованиях часто приходится сталкиваться с постановкой вопросов, касающихся взаимодействия различных форм организации материального мира. Примеров очень много: от нередуцируемости химизма к физическим законам, будь то классическая электродинамика или квантовая механика [13], до разработки математических методов анализа динамики стоимости различных активов на биржах.

Почему, скажем, в теоретической биологии несводимость биологических законов к химическим не рассматривается как «трудная» и не вызывает ощущения таинственности? Для конкретно-научного исследования очевидна не только эта несводимость, но и взаимодействия между биологическим и химическим. Например, то, что биологические объекты, не нарушая базовых законов химии, способствуют возникновению новых химических соединений, порождают органические вещества и «человеческую» химию [14]. В XVIII—XIX вв., в период становления классической научной парадигмы в биологии, в философии биологии активно и остро обсуждались проблемы сущности жизни, таинственного «жизненного начала». Они также очень схожи с «трудной проблемой» сознания. И только на фоне успехов биологии XX в. эти проблемы исчезли (и то не до конца) из философского дискурса. Попытки смешивать философские и конкретно-научные подходы к решению фундаментальных проблем изначально обречены на провал. Поэтому смело можно высказать предположение, что лет через 50 сегодняшние рассуждения аналитических философов о природе сознания будут казаться столь же наивными, какими нам представляются сейчас виталистические теории сущности жизни XIX в.

Сознание процессуально. Является ли сознание в этом качестве самостоятельным слоем реальности? На наш взгляд, важнейший критерий объективного существования такого слоя — это наличие в нем инвариантных характеристик. Таких, например, как инвариантность по времени (поддержание существования объекта в течение определенного времени) или инвариантность по отношению к субъекту (независимость существования и содержания от сознания отдельного конкретного субъекта). По сути, речь идет о законах, присущих данному слою реальности, несводимых к закономерностям других слоев реальности. Такие специфические законы присущи сознанию как самостоятельному слою реальности. К ним можно отнести следующие законы. «Закон Декарта» — несомненность существования «субъективной реальности» хотя бы как заблуждения субъекта. «Закон Канта» — сохранение единства апперцепции как условие единства «поля опыта». «Закон Гуссерля» — доступность для познания субъекта не только содержания предмета, но и способа его представленности, добавление познающего к каждому акту познания. Эти и другие законы демонстрируют самостоятельность сознания как особого слоя реальности. Это еще раз доказывает, что понимание взаимосвязи сознания с телесными процессами, являющимися его фундаментом, еще не означает понимание сущности сознания.

4. Принцип онто-гносеологической неопределенности. В основу аналитического подхода к проблеме сознания положено опредмечивание, т.е. исследователи изначально придают сознанию онтологический статус, рассматривая то, что является процессом, как некий статический объект. После этого закономерно возникает вопрос о его материальной основе, о сведении одного объекта к другому, о редукции. Если бы вопрос изначально ставился о понимании основ некоего процесса, тогда речь должна была идти об определенной зависимости (например, функциональной, системной и пр.), но никак не о редукции.

Проблема сознания становится «трудной» в результате перенесения гносеологических ответов («несомненность» в качестве критерия метода познания)

на антропологические вопросы (существование сознания в рамках тела человека) [1]. Поэтому аналитический подход будет неизбежно страдать антиномичностью. При исследовании природы сознания в аналитической парадигме проявляются два противоположных и внутренне противоречивых понимания сознания, складывается так называемая антиномия сознания: сознание как объект и сознание как субъект.

Понимая сознание как объект, мы ставим его в ряд с другими объектами внешнего мира: стол, дом... Сознание предстает как предмет, доступный объективному описанию. Предположим, что такой подход к изучению сознания доведен до логического завершения, и мы получили законченную теорию сознания. В этом случае внешнему наблюдателю доступны как объекты все «квалиа», субъектно представленные свойства. Тогда исследователь, изучая описание сознания, испытывающего боль, тоже будет испытывать боль. Если нет, то, значит «самой» боли удалось «улизнуть» от исследования и остаться в «субъективном мире». То есть сознание, по крайней мере, сознание исследователя, — это субъект, отделенный от объекта. Тогда мы постулируем сознание в качестве субъекта, наделенного приватным доступом к миру «квалиа». Но в этом случае сознанию-субъекту трудно будет взаимодействовать с окружающим миром, управлять собственным телом. Любое взаимодействие сознания-субъекта с окружающим миром втягивает его в причинно-следственную обусловленность объективной реальности, что вырывает сознание из выделенного субъективного мира и снова ставит его в один ряд с предметами мира. Выходом из такой объективации был бы дуалистический подход либо беспредельное расширение сознания, субъективный идеализм, но эти концепции всерьез не рассматриваются современной философией.

Снятие вышеуказанного противоречия осуществляется переходом к его основанию — представлению о том, что о сознании можно говорить как о предмете, имеющем определенный онтологический статус. Но «субъективная реальность» — это опредмечивание познавательной деятельности; психология убедительно демонстрирует, что, если приостановить познавательную деятельность, «субъективная реальность» растворяется [5]. Изучая «субъективную реальность», по сути, задаются гносеологическим вопросом, но ожидают онтологического ответа. Такую ситуацию мы характеризуем как онто-гносеологическую неопределенность [6. С. 121—133].

Таким образом, в концептуализации предмета познания неизбежно связываются два вопроса: вопрос о сущности данного предмета (онтологический вопрос) и вопрос о данности предмета познающему сознанию (гносеологический вопрос). Это момент нераздельности онтологического и гносеологического «вопрошания». Вместе с тем нельзя подменять один вопрос другим, как нельзя и сводить один вопрос к другому. Несмотря на очевидность данных утверждений, в истории философии можно найти массу примеров их нарушения, подмен и редукций. Они-то и приводят к появлению «трудных» проблем.

Так, «трудная проблема» сознания возникает в результате подмены: реальность сознания онтологизируется, к субъекту добавляется слово «реальность», чтобы как-то сопоставить его с реальностью объективной. Но ни знанию, ни сознанию нельзя приписывать существование их как объективной реальности. Ре-

альностью их наделяет именно субъект. Вопрос об их реальности или нереальности имеет смысл только из перспективы субъекта познания. Но с точки зрения аналитической философии мир сам по себе завершен и полон, и только субъект может добавить в него небытие. Поэтому субъект — не особая реальность, а то, что дает возможность увидеть реальность. «Для нас не существует способа отобразить субъективность как часть нашего взгляда на мир, поскольку интересующая нас субъективность и есть, так сказать, само отображение. Решение же будет заключаться не в том, чтобы попытаться разработать особую разновидность отображения — нечто вроде сверхинтроспекции, но скорее в том, чтобы на этом полностью прекратить попытки отображения и просто признать факты. Факты же заключаются в том, что биологические процессы порождают сознательные ментальные феномены, а последние нередуцируемо субъективны» [10. С. 105].

Эфемерность «субъективной реальности» подтверждает также и невозможность доказать наличие сознания у другого человека — так называемый «аргумент зомби», широко обсуждаемый в аналитической философии [11]. Любая аргументация наличия сознания у другого субъекта неизбежно опирается на самоотчет этого субъекта. «Аргумент зомби» доказывает лишь одно: онтологическая картина мира никак не изменится от элиминации «субъективной реальности». Равно бессмысленно и отрицание сознания как гносеологического феномена.

Но не следует ли из принципа онто-гносеологической неопределенности необходимость раздвоения реальности? Нет, потому что, во-первых, объективная реальность и «мир сознания» — это ответы на разные вопросы (онтологические или гносеологические). Во-вторых, несводимость реальности сознания к реальности мозга не является чем-то уникальным для науки. Также можно говорить и о несводимости химической реальности к физической или социальной реальности к биологической. В каждом слое реальности есть законы и принципы, нередуцируемые к «низшим» слоям. Более того, возможна и обратная связь: «высшие» слои могут влиять на функционирование низших слоев, например, как социальная активность человека влияет на формирование и развитие его мозга [9].

Таким образом, осознавая псевдохарактер трудностей «трудной проблемы», необходимо в очередной раз подчеркнуть опасность отождествления философских и научных проблем. С одной стороны, конкретные науки не могут решать философские задачи, они для этого неприспособлены; такой путь ведет к редукционизму. С другой стороны, философия не должна всегда и во всем навязывать конкретным наукам свое видение проблем познания. А именно так и происходит при навязывании аналитической философией конкретным наукам (когнитивным, нейронаукам и др.) идеи разрыва субъективной и объективной реальности. В частности, учет принципа онто-гносеологической неопределенности задает границы собственно философского подхода к проблеме сознания. Это предполагает, в первую очередь, определение ключевых категорий, используемых в этой проблематике (психика, сознание, мышление, ценности, смысл и др.); во-вторых, определение онтологического статуса различных слоев реальности и возможностей их познания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вархотов Т.А. Картезианская антропология как эпистемологическая рамка современной философии сознания // *Философия сознания: история и современность*. Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора МГУ А.Ф. Грязнова (1948—2001). М.: изд-во «Современные тетради», 2003. С. 30—41.
- [2] Васильев В.В. «Трудная проблема сознания». М.: Прогресс-Традиция, 2009. 269 с.
- [3] Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
- [4] Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг. К вопросу о полувековом опыте разработки «трудной проблемы сознания» в аналитической философии // *Эпистемология: перспективы развития*. М.: Канон+, 2012. С. 229—273.
- [5] Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. М.: Юнити, 2002. 408 с.
- [6] Мамченков Д.В. Предметность и историзм. Москва: РУДН, 2014. 239 с.
- [7] Медников Б.М. Аксиомы биологии. М.: Знание, 1982. 154 с.
- [8] Метлов В.И. Комплексный подход к проблеме сознания // *Философия сознания: история и современность*. Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора МГУ А.Ф. Грязнова (1948—2001). М.: изд-во «Современные тетради», 2003. С. 247—250.
- [9] Свааб Дик. Мы — это наш мозг: От матки до Альцгеймера. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 544 с.
- [10] Серл Дж. Открывая сознание заново. Москва: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
- [11] Chalmers D.J. *The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 432 p.
- [12] Dennett D. *Consciousness Explained*. Boston: Little Brown and Co, 1991. 511 p.
- [13] Hendry R.F. *Is There Downward Causation in Chemistry?* // D. Baird et al. (eds.). *Philosophy of Chemistry*. Springer, 2006.
- [14] Lamza L. *Six Phases of Cosmic Chemistry* // Hyle — *International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2014. Vol. 20. No. 1.

Сведения об авторе:

Мамченков Дмитрий Валерьевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (e-mail: uchebное@list.ru)

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-222-228

“DIFFICULT PROBLEM” OF ANALYTICAL PHILOSOPHY

D.V. Mamchenkov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes “Hard problem” of consciousness through the principle of the onto-epistemological uncertainty. It is shown that the method of production of “Hard problem” in the analytic philosophical tradition inevitably makes it a pseudo. At the same time, with the consistent implementation of the principle of the onto-epistemological uncertainty is removed antinomy solutions to the questions of the consciousness and opens the way for a productive problem-solving in the explanation of consciousness as in the natural sciences and philosophy.

Key words: hard problem of consciousness, consciousness and the brain, the subjective reality, onto-epistemological uncertainty

REFERENCES

- [1] Varhotov TA. Kartezianskaya antropologiya kak ehpiistemologicheskaya ramka sovremennoj filosofii soznaniya. *Filosofiya soznaniya: istoriya i sovremennost'*. Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora MGU A.F. Gryaznova (1948—2001). Moscow: Sovremennye tetrady; 2003. P. 30—41. (In Russ).
- [2] Vasil'ev VV. Trudnaya problema soznaniya. Moscow: Progress-Tradiciya; 2009. 269 p. (In Russ).
- [3] Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya. In: Vitgenshtejn L. *Filosofskie raboty*. Moscow: Gnozis; 1994. 612 p. (In Russ).
- [4] Dubrovskij DI. Sub"ektivnaya real'nost' i mozg. K voprosu o poluvekovom opyte razrabotki “trudnoj problemy soznaniya” v analiticheskoj filosofii. In: *Ehpistemologiya: perspektivy razvitiya*. Moscow: Kanon+; 2012. P. 229—273. (In Russ).
- [5] Lebedev VI. *Psihologiya i psihopatologiya odinochestva i gruppovoj izolyacii*. Moscow: Yuniti, 2002. 408 p. (In Russ).
- [6] Mamchenkov DV. *Predmetnost' i istorizm*. Moscow: RUDN; 2014. 239 p. (In Russ).
- [7] Mednikov BM. *Aksiomy biologii*. Moscow: Znanie; 1982. 154 p. (In Russ).
- [8] Metlov VI. Kompleksnyj podhod k probleme soznaniya. *Filosofiya soznaniya: istoriya i sovremennost'*. Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora MGU A.F. Gryaznova (1948—2001). Moscow: Sovremennye tetrady; 2003. P. 247—250. (In Russ).
- [9] Svaab Dik. *My — eto nash mozg: Ot matki do Al'cgejmera*. St. Petersburg: Iz-vo Ivana Limbaha; 2014. 544 p. (In Russ).
- [10] Serl Dzh. *Otkryvaya soznanie zanovo*. Moscow: Ideya-Press; 2002. 256 p. (In Russ).
- [11] Chalmers DJ. *The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford University Press; 1997. 432 p.
- [12] Dennett D. *Consciousness Explained*. Boston: Littl Brown and Co; 1991. 511 p.
- [13] Hendry RF. Is There Downward Causation in Chemistry? In: D. Baird et al. (eds.), *Philosophy of Chemistry*. Springer, 2006.
- [14] Lamza L. Six Phases of Cosmic Chemistry. *Hyle — International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2014; 20 (1).